

© 2000 г.

Н.Е. ПОКРОВСКИЙ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНИЗАЦИИ (Принципиальная схема)

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич - доктор социологических наук, профессор социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Десятилетие кризисного развития посткоммунистических обществ и прежде всего России (называемое ныне "переходным периодом" или "транзитом") привело не только к весьма характерному видоизменению ткани общества на всех его структурных "этажах", но и к необратимой эволюции внутренних феноменологических конструкций массового сознания. Выработанные десятилетиями, если не столетиями, "линейные" характеристики общественного развития (улучшение существующего лучшего и ухудшение существующего худшего) не вполне применимы, если применимы вообще, к анализу современной российской ситуации. Привычные шкалы и эталоны более не действуют в России. Это, согласно теории П. Штомпки, следует называть "посткоммунистической культурной травмой".

Если опираться на традицию и линейные схемы в социологии, то вполне можно придти к выводу, что российское общество находится в состоянии активного и перманентного саморазрушения, по большому счету не столь уж и спровоцированному внешними факторами. (Речь идет именно о саморазрушении, ибо иначе просто трудно было бы истолковать ярко выраженные тенденции количественной и качественной деструкции, наблюдаемые во всех институтах российского общества и, что удивительно, поддерживаемые коллективным поведением носителей действия.)

Повсеместно господствующая аномия, то есть дисперсия ценностного поля, охватила сферы экономики, политики и культуры.

Теневая (по сути криминальная и полукриминальная, называемая "неформальной") экономика укрепилась в качестве ведущего хозяйственного уклада, проникающего во все клетки общественного организма. Казалось бы, это должно было бы привести к полному вырождению экономической жизни общества и крушению образующих ее структур. Но российское общество в общем и целом выживает как на индивидуальном уровне, так и на уровне макроструктур. Апокалипсиса не происходит. То же касается и политической сферы.

Российская политика являет собой неуправляемый процесс, замешанный на экономическом интересе и крови. При этом игровой, балаганный "имидж" превалирует над остальными характеристиками. Все словно происходит не всерьез, в виртуальной реальности, ибо серьезно просто нельзя воспринимать то, что происходит. Ни "сценаристы", ни "режиссеры", ни "исполнители ролей", ни "зрители" не могут даже отдаленно претендовать, в традиционной системе личностных координат, на то, чтобы быть

Редакция продолжает публиковать материалы научной конференции, посвященной 25-летию журнала "Социологические исследования" и поддержанной РФФИ. В данном номере публикуются статьи Н.Е. Покровского и Н.В. Романовского.

субъектами исторического действия. Да и сама демократия, во имя которой в России последних лет было поднято столько здравниц, превратилась, еще не оформившись как следует, в нечто совершенно нетрадиционное - *манипулятивную*, можно сказать, театральную демократию, то есть использование внешней формы демократического процесса для сокрытия его глубоко недемократической и даже антидемократической сути. Причем активной стороной манипулятивной демократии стал и сам электорат, то есть "зрители из зала", с готовностью принявшие правила игры и даже нашедшие в ней свой полузрительский-полуигровой интерес. Но и здесь приходится констатировать удивительную выживаемость и даже устойчивость политического истеблишмента во всех его ипостасях и компонентах. Политического кризиса не предвидится. Конструкция достаточно устойчивая.

Сфера культуры также структурно эволюционировала. Традиционные ценности российской культуры, имевшие классические корни, перестали играть сколько-нибудь значимую роль и превратились скорее в археологическую, а не актуальную реальность. Соответственным образом изменились и все культурные институты. И дело даже не столько в их коммерциализации, хотя и это достаточно характерно. Сменился сам статус культурных структур. Они приобрели замкнутость, заикленность на себе, самодостаточность. Хорошая или плохая, но это культура, которую в любом случае нельзя измерять традиционными мерками. В ней все иное, хотя по своей остаточной форме она может еще напоминать культуру старого типа. И опять же поражает жизнестойкость новообразования.

Итак, возникающий кардинальный вопрос самоочевиден. Что это такое? Почему все сферы жизнедеятельности общества демонстрируют, с традиционной точки зрения, постоянное углубляющуюся деструкцию (о которой вопиет буквально все), но при этом окончательный развал не только не наступает, но, напротив, рождается некая новая социальная реальность, несущая никем не сформулированный консенсус?

Прежде чем попытаться дать ответ на поставленный вопрос, хотелось бы сделать одно замечание, касающееся функции общественного предвидения. Постепенное вызревание кризиса советского строя естественным образом порождало в различных слоях населения предвидение того, что наступит тогда, когда... Это были и интеллигентские, полудиссидентские дискуссии, и мечтания "на кухне", и брожение в умах коммунистической элиты, увидевшей Запад с близкого расстояния, и постоянное недовольство народа "непорядком", творившемся в стране. И хотя каждая из перечисленных групп имела отчасти свои представления о том, что будет, когда..., но, в принципе, эти предвидения имели в своей основе линейную экстраполяцию на будущее господствовавших в те годы представлений о должном. В одних случаях речь шла о создании в России (тогда еще Советском Союзе) либерального и демократического общества по традиционному западному образцу, в других о возможности восстановления "ленинских норм" и построения социализма с человеческим лицом, наконец, повсеместно господствовало убеждение, согласно которому элементы рыночной экономики чудодейственным образом и чуть ли не за одну ночь преобразуют все общество.

Указанные предвидения целиком позиционировались на системе существовавших тогда ценностей и представлений. И даже самые радикальные футурологические представления не выходили за эти рамки. Как мы видим сегодня, ни одно из пророчеств и мечтаний тех дней фактически не осуществилось, а комплексная система социальных изменений, произошедших в России, раскрыла совершенно новую реальность, о которой никто не мог прежде помыслить.

Однако сила инерции традиционных взглядов, основывающихся на линейной экстраполяции прежних представлений, достаточно ощутима и по сей день. Именно эта инерция рождает в обществе настроения неминуемости распада, кризиса, апокалипсиса. Между тем, российское общество перешло в совершенно иную стадию развития, для которой характерны иные формы социального пространства, социального времени, иные факторы и иные ценности.

Можно сказать, что социологи и социологизирующая публика 80-х годов рисовала

одни картины возможного будущего, а на выходе трансформационного процесса оказалась совершенно иная социальная система с иными параметрами.

Каковы же черты этой системы и каковы ее параметры?

Анализ и обобщение теоретических и прикладных исследований по данной теме показывает, что в России наблюдаются не замедленные процессы адаптации к общемировым культурным изменениям, но, напротив, в силу значительной ослабленности социальной структуры российского общества, активно реализуют себя большинство глобалистических тенденций в их яркой "гибридной" форме. Причем глобализация выступает в форме *американизации*. Как, впрочем, можно утверждать и обратное - американизация и есть глобализация.

В этом смысле российское общество в большей степени, чем достаточно стабильные западные общества, подвержено влиянию этих культурных тенденций и выступает в качестве своеобразного "испытательного полигона", на котором уже обкатываются те культурные феномены, которые в будущем полностью проявят себя в глобальном формате.

Россия, превратившись в испытательное поле современной цивилизации, показывает мировому сообществу черты грядущего, с которым оно столкнется в недалеком будущем или уже сталкивается сейчас, но пока еще во фрагментарном виде. В России же новый миропорядок достигает на сегодняшний день своего максимума.

Большинство структурных элементов современного российского общества, возникших в результате десятилетия транзита, сколь бы замечательными или кричаще дисфункциональными они не представлялись на взгляд традиционалиста, тем не менее, создают новую социальную систему, в которую Россия входит первой из национально-исторических сообществ. Это и есть "новый бравый мир", который, быть может, совсем не тот, о котором мечтало "все прогрессивное человечество". Но это мир, неукоснительно возникший из тех компонентов и факторов, приведенных в действие, в том числе и сознательной деятельностью отдельных экономических, политических и культурных групп.

Исходя из сказанного, можно предположить, что указанные выше парадоксы-противоречия российской действительности 90-х годов, по сути, таковыми не являются. Это ничто иное, как проекция общемировых тенденций.

В настоящей статье основной упор делается на теоретической разработке проблемы глобализации и американизации, на создании "идеального типа" этих процессов. В связи с этим выделяются четыре параметра глобализации.

Глобализация как линейный процесс, то есть экстенсивное и однонаправленное расширение всемирных ("глобальных") интеграционных процессов, прежде всего в области геополитики, мировой экономики, культуры (СМИ), экологии и др. Это, так сказать, глобалистика из школьных учебников, постоянно толкующая о том, что мир стал единым (что во многом так и есть).

"Мир-системный" параметр (основывается на теории И. Валлерстайна) показывает эволюционную сдвигку ядра западной цивилизации в сторону периферии и возникновение новых центров цивилизационного процесса. Согласно этому параметру, на каком-то этапе может произойти разделение глобализации и американизации, и США уже не будут выступать в качестве центра и главного фактора социальных изменений.

Мировая культура как главное измерение глобализации. Этот параметр указывает на возникновение таких явлений как мировой туризм, культура постмодерна, новые интегральные формы религиозных культов, особая роль культуры Интернета и популярной культуры. Происходит "перемешивание культур" при слабом сохранении их локально-национальной идентичности.

Параметр глобального сообщества подчеркивает возникновение новых социальных форм сознания, подразумевающих снижение и даже уничтожение национального фактора и национальных государств.

Идеальный тип современной глобализации включает в себя следующие феномено-

логические компоненты, формирующие конструкции массового сознания и коллективного поведения: *всеохватность и комплексность изменений* (меняются все параметры социальных структур и сама изменчивость, "пластичность" становится главной позитивной ценностью); *все глобальные ценности и ориентиры получают априорное доминирование* по отношению к местным (локальным) ценностям, включая и этнический фактор, который элиминируется; *гибридизация культуры*, то есть процесс быстрого составления (часто искусственного) культурных феноменов из прежде несовместимых составных частей, особенно в сфере поп-культуры, образования, семейных ценностей и т.д.; *акцентирование "глубинных" феноменов* (докультурных, доцивилизационных и примордиальных), которые получают раскрепощение, приближение к природе в самом широком смысле этого понятия и отчасти противопоставление природного и социального начал в пользу первого; решительное *изменение ориентации рациональности* от "модерна" к "постмодерну" с его акцентом на мозаичности и внутреннюю несвязанность восприятия и конструирования социальной реальности, нежелание достраивать какие бы то ни было фрагменты этой реальности до единого целого ("мир фрагментарен сам по себе"); *признание гражданского общества единственной формой социальной упорядоченности глобального социума*.

Американизация, по сути, представляет собой конкретизацию глобализации с включенными элементами американской национальной культуры [1]. Причем особенности американизации в области культуры состоят в следующем: иррационализация (доведение до абсурда рациональных элементов культуры), приоритет количественных характеристик (коммерциализация), готовность к употреблению (оперантность), полностью гарантированное качество на определенном уровне, упакованность в яркие символические формы, виртуализация культурных образов (создание виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен).

Данная теоретическая модель разработана с опорой на методические принципы М. Вебера, К. Маннгейма и Дж. Ритцера. При этом происходит создание как бы новой рациональной системы, которая выступает в виде антипода старой системы рациональности, связанной с традиционной культурой.

Каковы же общие свойства большинства представленных выше глобалистских моделей с точки зрения содержащихся в них культурных матриц?

А. Всеохватность и комплексность изменений. Прежде всего теория глобализации подчеркивает: главный акцент должен быть сделан не на рассмотрении отдельных "траекторий" социальных изменений в тех или иных сферах, а на взаимодействие этих изменений друг с другом, их переплетение и взаимополагание. Это подразумевает развитие доминирующего внимания социологов к пространственно-географическим параметрам социальных изменений, их глобальной всеохватности.

Б. Противопоставление глобального и локального в области экономики, политики и культуры. Важный аспект глобализации основывается на рассмотрении тесной связи макро- и микроуровней происходящих изменений. Особенностью глобализации становится ее проникновение в самые глубины социальных структур, и их превращение в носителей новых смыслов. Это касается таких "локальных" ценностей, как традиции, обычаи, привычки, местные сообщества и др. Короче, новые глобальные реалии радикально видоизменяют даже наиболее консервативные и устойчивые структуры социального сознания и поведения. При этом процесс "отказа" от "старого" идет быстро, решительно, зримо. Всякое "новое" должно обладать заведомым преимуществом, поскольку оно "глобальное". Из этого в принципе следует, что это глобальное приобретает статус высшей нормативной ценности. Социальным институтам локального уровня отныне уже нет необходимости проходить всю вертикальную иерархию социальной структуры, дабы выйти на общемировой уровень. Семья, малые группы, местные организации, локальные движения и институты глобализируются прямым и непосредственным образом именно на своем уровне, демонстрируя новые формы участия в глобальных феноменах.

В. Множественность культурных гибридов в области культуры. Теория глобализации радикально изменяет наше представление о культуре, которая прежде рассматривалась по преимуществу как нечто либо наследуемое, либо спускаемое "сверху" и "распространяемое". В новых условиях культура становится результирующей бурного процесса "конфликтности" (politicized contestation). Это приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных "социокультурных гибридов" с присущим им весьма коротким периодом полураспада, нестабильностью, несоответствием традиционному контексту.

Г. Упразднение национально-государственного фактора в его культурном измерении. Теория глобализации последовательно выступает против социализма, с одной стороны, и национализма, с другой. Что касается последнего, то в понятие "национализма" отныне включаются такие феномены, как национальные государства-страны, национальные социокультурные традиции, национальные типы сознания и т.д. Понятие "малой Родины" также становится бессодержательным. Космополитизм возвращается к своему изначальному смыслу. Современный человек живет в глобальном мире и нигде конкретно.

Д. Примордиальные феномены и гражданское общество. Своеобразный поворот получает и тема "гражданского общества" в связи с приложением к ней теории глобализации. Процесс интернализации ценностей и ценностных ориентаций приводит к тому, что регулятивно-нормативная функция общества существенно видоизменяется, а прежде подавлявшиеся репрессивной культурой и не социализировавшиеся "примордиальные" феномены, близкие по своему характеру к фрейдовскому *Id* и мидовскому / и проявляющие себя в контексте доминирования природного начала человека, занимают все более важное положение в глобализируемых процессах и институтах. Мозаичный набор социальных "типов" и моделей, отсутствие единых принципов рационализации, свобода обращения с примордиальными факторами - все это создает глобалистско-постмодернистскую картину социального мира.

Е. Новая концепция рациональности. Новые глобальные процессы заставляют изменять и прежнюю концепцию рациональности, сформировавшуюся в рамках "современного общества" по контрасту с "постсовременным обществом", порождаемым глобализацией. Поскольку глобализация представляет собой нормативно-теоретическую парадигму, то она и вырабатывает модели новой рациональности. При этом рациональность в глобальном смысле понимается прежде всего как свобода самовыражения многообразия, что и находит свое частное проявление в "теории мультикультуризма", то есть в признании доминирования принципа полной мозаичности культурной "карты" той или иной региональной или профессиональной группы [2].

Переход к новому типу общества сопровождается кардинальными изменениями социальных институтов. Эти изменения происходят на наших глазах, нередко получая негативную оценку. Тем не менее, им мало что можно противопоставить.

Особый смысл новые культурные ценности приобретают в системе высшего образования, которая служит, как известно, одним из главных агентов социализации, то есть воспроизводства ценностных структур обществ. Высшее образование в новом раскладе ценностных ориентаций уже не служит источником распространения фундаментальных научных ценностей. Потребители высшего образования, в том числе и в России, прежде всего ценят: его *доступность* или *"удобность"*, то есть максимальное сокращение физических усилий для получения искомого результата; *экономическую усредненность* и *эффективность* ("платить меньше - получить больше"); *упакованность* учебных программ в яркие функциональные упаковки, облегчающие потребление "товара", в качестве которого выступают знания и умения; *максимальную коммерческую реализуемость* полученных знаний.

В этом смысле университеты, а равно и школы, уже не рассматриваются в качестве святилищ разума, а профессура и учителя - в качестве священнослужителей. И те, и другие скорее эволюционируют в направлении обслуживающего персонала,

предлагающего эффективные продукты, готовые к употреблению. Причем профессура изготавливает продукт на внутреннем рынке образования, а студенты (в будущем выпускники и молодые специалисты) распространяют его (то есть себя) на внешнем [3].

Одной из разновидностей российской городской культуры стал и туризм. Сегодня он уже превратился в культурную матрицу, своеобразную "икону" всей современной российской культуры в целом. В качестве ценностной ориентации выступает прежде всего зарубежный туризм. Как популярная культурная ценность туризм несет в себе следующие черты: высокая степень предсказуемости и управляемости проведения рекреации; высокая эффективность и концентрированность удовольствий; легко планируемые и "просматриваемые" в перспективе расходы; "упакованность" и высокая степень контролируемости программы. В традиционной российской культуре путешествия символизировали ожидание необычного и эмоционально насыщенного культурного опыта, прежде всего связанного с переживанием исторической и природно-эстетической реальности. Ныне туризм в России, как и в остальном мире, превращается в индустрию "квантированных" удовольствий, которые подразумевают не столько культурные, сколько чисто физиологические аспекты потребления. Если прежде туризм ассоциировался с ценностью рискованного, но культурно насыщенного путешествия, то теперь он превращается в систему фокусированного получения физиологических удовольствий (так называемое, "обслуживание", которое занимает первую позицию значимости в туристической программе). Основным мотивационным фактором развития туризма в феноменологическом плане следует считать не стремление приблизиться к, как сверхзадача, постичь мир иной культуры и иной социокультурной и экологической реальности, а обретение адекватности той культурной гиперреальности, которая создается телевизионной рекламой и статьями в популярных журналах в ярких обложках. Именно эта гиперреальность и становится реальностью современных путешествий. Иными словами, критерием эффективности туристической программы становится ее соответствие рекламе. Закольцованная функциональная корреляция замыкается: реклама существует для туризма, туризм - сориентирован на рекламу. В этом смысле развитие интерактивных форм гиперреальности, как представляется, в будущем будут стимулировать "туризм без путешествия" - использование возможностей, скажем, Интернета и других технических систем (новых типов кинотеатров) для создания "реальности" путешествия без физического перемещения в социокультурном пространстве. Все в большей и большей степени туристские объекты во всем мире принимают характер имитаций и, соответственно, ухода от подлинной историко-культурной аутентичности, например, декорационно-имитационные реставрации и восстановления исторических объектов, сувенирная индустрия, этнографические имитации и пр. Притом имитации как более "яркие" и доходчивые замещают аутентичность. Характерно и то, что для многих профессий туризм становится формой, непосредственно связанной с работой в том смысле, что работа подразумевает путешествия, имеющие немалый компонент туризма [4].

Примечательным побочным аспектом туризма становится "синдром Кодака", то есть сфокусированность туриста на любительской фото- и видеосъемке, а также потребление туристской видеопродукции. Этот род деятельности в рамках туризма приобретает самостоятельный характер конструирования "туристской реальности". Туризм интересуется не столько сама реальность, сколько обладание ею (ее присвоение) в виде любительских фотокадров и видеороликов. Само по себе, казалось бы, безобидное и малозначимое занятие, превратившееся в массовый феномен, приобрело самодовлеющее значение.

Сходные тенденции эволюции социокультурных ценностей можно наблюдать и в развитии современных форм труда. Труд в условиях постиндустриального города превращается из процесса реализации фундаментального профессионального предназначения человека в своего рода организованную систему получения квантированных удовольствий. Легкая и постоянная смена мест работы и специализаций в труде, а

также большое значение, придающееся внешним аксессуарам престижности и соответствующим формам престижного потребления (так называемое *conspicuous consumption*, по Р. Мертону) - все это создает новую ценностную реальность трудовой деятельности, имеющую мало общего с традиционной концепцией труда. Труд из тяжеловесного компонента протестантской трудовой этики становится игровым элементом новой глобальной экономики и культуры [5].

Новые ценностные ориентиры, реализующие себя в современных формах культуры, порождают целый ряд феноменов, которые следует считать не культурной девиацией, но, напротив, образцами новых гибридных форм жизнедеятельности культуры в обществе.

К числу подобных гибридных культурных форм, помимо образования, туризма, труда, можно отнести достаточно одиозные, но фактически превращающиеся в нормативные шоу-бизнес, рекламу, PR, масс-медиа — политический экшненинг, в которых лицедействие и театрализация становятся их главным содержанием.

Весьма примечательно, что эти явления, получившие в России конца 90-х годов небывалое распространение, в значительной мере представляют общемировую, глобализирующую себя реальность. Однако в отличие от стабильных западных обществ, где указанные феномены пока еще ограничиваются и регулируются рационально-традиционными социальными институтами, в условиях российской нестабильности они сполна проявляют себя. Есть немало оснований предполагать, что заявляющая о себе новая, а пока еще отчасти девиантная гибридизированная культура вскоре превратится в базовую.

В этих условиях традиционные фундаментальные ценности культуры окончательно уйдут на маргиналии как российского, так и мирового общества. Там они, возможно, не исчезнут окончательно, а станут основой различных реминисцентных субкультур. Соответственно этим субкультурам будут существовать и замкнутые сообщества (группы), поддерживающие их (по аналогии с "монастырской парадигмой" Т. Розака).

В условиях весьма динамичной культурной эволюции, происходящей в России, возникает необходимость консервации традиционных культурных ценностей и архивирования культурного наследия как носителя систем ценностных ориентаций, но не только в виде создания разного рода депозитариев памятников и документов культуры (хотя и их тоже), но прежде всего в качестве "хранилищ" живых ценностей, в том числе и в их деятельностных вариантах. Этому могут служить различные микро-общественные организации, группы, движения и т.д., которые создают социальную сетку взаимного общения, хотя и находящуюся на маргиналиях новой российской системы, но, тем не менее, в силу своего сетевого и деинституционализованного характера способную выдерживать существенное давление внешней среды.

В опубликованных прежде научных работах по ценностным структурам современной западной и российской культуры еще не выдвигался тезис об особом "испытательном" и экспериментальном характере современной российской культуры. Это делается в данной статье. Признание правомерности указанного тезиса позволит по-иному оценить процессы в области культуры, происходящие в России, в том числе, и с точки зрения Запада. Россия предстает не как отсталая и почти "варварская" периферия высококультурного Запада, а как культурная область, предвосхищающая развитие глобальных тенденций, сколь бы настораживающими они ни были.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ritzer G.* The McDonalds Thesis. Lnd, 1998.
2. *Albrow M.* The Global Age. Stanford, 1997; *Featherstone M.* (ed.) Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity. London, Sage, 1990; *Global Modernities.* Ed. By *M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson.* London, Sage, 1995; *Robertson R.* Globalization. Social theory and global culture. London, Sage, 1992; *Stehr N.* Knowledge Societies. London, Sage, 1994; *Tiryakian E.* The Wild cards of Modernity // *Daedalus*, Spring, 1997; *Wallerstein I.* Unthinking Social Sciences. London, 1995; *Waters M.* Globalization. Lnd-NY, 1995.

3. *Damroch D.* We Scholars: Changing the Culture of the University. Cambridge, MA, 1995; *Plater W.* "Future Work: Faculty Time in the 21st Century". *Change*, 1995. N 27; 22; *Seymour D.* Once Upon a Campus: Lessons for Improving Quality and Productivity in Higher Education. Phoenix, AZ, 1995; *Ritzer G.* The McDonalds Thesis. London, Sage, 1998.
4. *Rnjek Ch.* "Disney Culture". *Leisure Studies*, 1993. N 12, p. 121-135; *Rojek Ch.* Decentring Leisure; Rethinking Leisure Theory. London, Sage, 1995; *Urry J.* The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Society. London, Sage, 1990; *Ritzer G.* The McDonalds Thesis. London, Sage, 1998.
5. *Braverman H.* Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century. NY, 1974; *Clark S.* "The Crisis of Fordism or the Crisis of Social Democracy." *Telos*, 1990. P. 83; 71-98; *Edwards R.* Contested Terrain: The Transformation of the Workplace in the Twentieth Century. *Feller R., Waltz G.* (eds.) Career Transitions in Turbulent Times. Greensboro, NC, 1996; *Ritzer G.* The McDonalds Thesis. London. Sage, 1998.